КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

КЛАДЪ

Кого не сведутъ съ ума клады, если онъ только соблазнится разъ какимъ нибудь сбыточнымъ или несбыточнымъ преданіемъ, разсказомъ, таинственнымъ слухомъ или народною молвою, и возьметъ заступъ въ руки? Заманчивое и соблазнительное дѣло: съ работы будешь горбатъ, а не будешь богатъ; трудись вѣкъ, едва заработаешь на хлѣбъ. А тутъ стоитъ только удачливо напасть на слѣдъ да осторожно и умѣючи взяться за дѣло — свечера вышелъ съ сумой, а утро воротился въ золотѣ.

Вездѣ почти бывали, въ прежнія или въ позднѣйшія времена, различные перевороты, при коихъ раззорялись села и города, разбѣгался народъ: часть имущества онъ уносилъ съ собою, часть пряталъ, зарывалъ въ землю, остальное доставалось непріятелю. Все это

сохранилось въ темныхъ преданіяхъ народа, обратилось для кого въ простую сказку, для кого въ священное преданіе, украшенное сказочными добавленіями; и стѣитъ только разъ кому нибудь, разгорячивъ воображеніе свое или принявъ умышленно таинственный видъ, дополнить отъ себя то, чего въ преданіи недостаетъ, напримѣръ назвать мѣсто, гдѣ скрыть мнимый кладъ, — и преданіе пойдетъ въ этомъ видѣ далѣе, перейдетъ даже на потомство и заставитъ кого нибудь со–временемъ поискать счастья своего тамъ, гдѣ его, вѣроятно, нѣтъ и не бывало.

Есть и другаго рода поводы подобныхъ преданій: въ былое время кой–гдѣ важивались шайки разбойниковъ, у которыхъ не бывало ни банковъ, ни казначейства, ни даже надежной осѣдлости, подъ охраною которой они могли бы обезпечить богатства, изрѣдка пріобрѣтаемыя ихъ промысломъ: и они зарывали ихъ въ землю. На этомъ основаніи, преступники разнаго рода, сидя подъ стражей, нерѣдко сами распускали

ложный слухъ о зарытыхъ ими деньгахъ, въ надеждѣ соблазнить и подкупить этимъ сторожей своихъ или, по крайней мѣрѣ, найти случай ускользнуть изъ–подъ замк÷ и запора, для указанія мѣста, гдѣ мнимые клады эти зарыты. Наконецъ, простолюдины наши, не только въ старину, но и понынѣ, иногда зарываютъ деньги свои въ горшкахъ и котлахъ, въ берестовыхъ котомкахъ и кувшинахъ, изъ опасенія лишиться богатства своего, либо по проискамъ и вымогательству людей, отъ коихъ они зависятъ, либо отъ воровъ, которые съ большимъ искусствомъ разузнаютъ всегда напередъ, гдѣ именно у такого–то богатаго мужика лежатъ въ дому деньги, а потомъ уже до нихъ добираются, по готовымъ и извѣстнымъ имъ слѣдамъ.

Какъ бы то ни было, а всѣ обстоятельства эти поселили въ народѣ необычайное легковѣріе къ кладамъ и дали плутамъ средства прибирать къ рукамъ кладоискателей и, въ ожиданіи мнимаго богатства, располагать настоящимъ имуществомъ обманутыхъ. Вотъ источникъ

служащихъ собственно для этой цѣли, для мошенничества, кладовыхъ записей, составленныхъ будто бы хозяевами кладовъ, для памяти, и найденныхъ послѣ ихъ смерти. Этими тайными записями, а иногда и простыми замѣтками, въ довольно общихъ словахъ, плуты торгуютъ, вызывая охотниковъ покупать ихъ за наличныя деньги и дѣлая еще, сверхъ того, болѣе для вида, условія о раздѣлѣ клада, если бы онъ отъискался.

Но вотъ является новое обстоятельство: преданіе завѣрило меня, что около такого–то мѣста лежитъ кладъ разбойника Кудеяра, или даже Ваньки Каина, Гаркуши, Гришки Отрепьева — послѣ долгихъ стараній и издержекъ, я пріобрѣлъ наконецъ и таинственную запись, въ которой мѣсто это довольно подробно означено, а, между тѣмъ, всѣ труды мои пропадаютъ: я не могу найти ровно ничего, хотя и изрылъ уже вокругъ всю мѣстность... объясненіе такого явленія очень просто: клада этого нѣтъ, потому что его и не бывало и никто его не зарывалъ; но

я этому не хочу вѣрить, а тотъ, кто меня обманулъ, и подавно. Итакъ, кладъ есть, безспорно, и надежда еще не потеряна; но онъ не дается: онъ положенъ со словцомъ, съ зарокомъ, его стережетъ нечистый и выдастъ только тому, кто съумѣетъ его взять или кто исполнитъ зарокъ.... Новая забота, новыя догадки, розыски, хлопоты и новый случай поддѣть легковѣрнаго: идутъ къ знахарю, отъискиваютъ спрыгъ или разрывъ–травы, отъ которой всѣ подземные запоры и затворы распадаются, либо, еще лучше, цвѣта папортника, при свѣтѣ коего земля сквозитъ, дѣлается прозрачною, клады выходятъ наружу и безъ всякихъ хлопотъ даются въ руки....

Между тѣмъ, нельзя оспаривать, что если не кладоискатели, то другіе люди отъ времени до времени случайно находятъ неизвѣстно кѣмъ и когда зарытыя въ земли деньги, — и вотъ это служитъ новымъ торжествомъ и въ то же время предметомъ зависти и подстрекательствомъ для первыхъ. Напримѣръ: баба мыла бѣлье на рѣчкѣ, на такомъ мѣстѣ, гдѣ тысячи бабъ

или, по крайней мѣрѣ, тысячу разъ бабы полоскались до нея; на берегу стоялъ всѣмъ давнымъ–давно знакомый ивовый пень, который едва только за память стариковъ когда–то былъ въ сучьяхъ и зелени. Въ этомъ пнѣ, съ такихъ же едва памятныхъ временъ, было просторное, глубокое дупло, наполненное снизу иломъ и пескомъ, отъ выступавшей ежегодно рѣчки. Баба складывала бѣлье на пень этотъ, а нѣкоторыя вещи положила и въ самое дупло, коего отверстіе становилось съ году на годъ шире. Когда же она стала выбирать опять бѣлье свое изъ дупла, то замѣтила тамъ какой–то цвѣтной лоскутокъ, который тянулся изъ–подъ песку и разлѣзся у нея подъ пальцами, когда она за него потянула; порывшись рукою немного глубже, она вынула глиняный кувшинъ, наполненный серебромъ стараго чекана. Другой пахалъ и выпахалъ изъ земли завязанное съ двухъ концовъ голенище, изъ котораго посыпались старинные рублевики; третій рубилъ избу на новомъ мѣстѣ и хотѣлъ подкатить, для стула подъ срубъ, изрядной

величины камень, который искони лежалъ на одномъ мѣстѣ — подъ камнемъ оказалась желѣзная ржавчина и навела мужика на слѣдъ зарытаго тутъ некогда желѣзнаго котелка, который уже весь обратился въ ржавчину, но въ немъ стоялъ еще другой, мѣдный, нѣсколько уцѣлѣвшій и, притомъ, насыпанный вровень съ краями древнимъ русскимъ серебромъ, удѣльныхъ временъ.

Неподалеку селенія Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи, кореннаго мѣсторожденія всѣхъ преданій и повѣрій о несмѣтныхъ богатствахъ, зарытыхъ нѣкогда волжскими разбойниками, — около этого селенія есть небольшой курганъ, мимо коего рѣдкій изъ крестьянъ повезетъ васъ, не разсказавъ, что тутъ лежитъ нѣвѣсть какой большой кладъ, положенный, однакожь, не спроста, а на извѣстное число головъ; но какъ извѣстное число это неизвѣстно, да притомъ и никому не вѣдомо, сколько головъ уже погибло при безуспѣшныхъ попыткахъ поднять кладъ и скоро ли урочное число жертвъ исполнится,

то и никто не знаетъ, скоро ли кладъ этотъ дастся кому нибудь въ руки. Между тѣмъ, одинъ изъ крестьянъ этого селенія, довольно плохой хозяинъ и работникъ, задумалъ разбогатѣть безъ большихъ хлопотъ и придумалъ вотъ что: прикормивъ къ себѣ какого–то сироту, мальчишку, который побирался, мужикъ мой отправился въ полночь — время, въ которое только и можно искать клады — къ этому кургану и взялъ мальчика съ собой: онъ располагалъ поднять кладъ его руками, съ тѣмъ, что если надобно еще кому нибудь сложить голову свою по зароку, то пусть–де пропадаетъ этотъ безродный сирота. Пошли, и мужикъ строго наказалъ своему товарищу не креститься и не поминать Бога, во все время, что они будутъ работать надъ кладомъ, а также не робѣть и даже не оглядываться, что бы ни случилось, удостовѣряя, что всѣ голоса, которые, можетъ быть, будутъ слышны въ это время, и всѣ страшилища, которыя дразнятъ языкомъ кладокопателя, ничего не смогутъ сдѣлать, если не робѣть и не смотрѣть на

нихъ, потому что все это есть мар÷, то есть одинъ только обманъ чувствъ; но стѣитъ только оглянуться или струсить, и нечистая сила тотчасъ возьметъ верхъ и одолѣетъ: тогда пропадешь.

По примѣтамъ, которыя мужичекъ мой исподволь выспросилъ или подслушалъ тутъ и тамъ, онъ принялся рыть на извѣстномъ мѣстѣ кургана. Ночь была довольно темна и тиха, но небо ясно. Въ ту минуту, какъ мужикъ съ наговорами въ первый разъ ударилъ заступомъ въ землю, звѣзды, всѣ до послѣдней, попрятались и ужь не видать стало ни зги. Мужикъ усердно продолжалъ работу: вдалекѣ, съ полуночной стороны, послышалось отдаленное завыванье, и вскорѣ налетѣла страшная буря, которая стонала и бушевала по степи и перегнала черезъ курганъ нѣсколько кустовъ перекатиполя. Мужикъ все еще не робѣлъ, даже попытался ударить заступомъ одинъ изъ кустовъ этихъ, не разсыплется ли онъ кладомъ; онъ уже вырылъ яму въ колѣно, и, къ радости его, буря начала утихать, какъ вдругъ

усилились вой и стоны, послышалось множество голосовъ, конскій топотъ и брякъ оружія: ближе, ближе, и на дорогѣ, которая проходила подъ самимъ курганомъ, выстроилась грозная рать, на коняхъ, въ старинныхъ доспѣхахъ, а глаза у людей и лошадей горѣли ровно угольки, и паръ изъ ноздрей коней валилъ огневистый.... Только что мужикъ мой успѣлъ струсить, какъ конная рать эта зашевелилась, встряхнулась, люди всѣ въ голосъ начали кричать непонятныя рѣчи, лошади заржали такимъ голосомъ, какъ ржетъ одинъ только нечистый; затѣмъ поднялись стукъ и брякъ, скокъ и топотъ, пальба изъ пищалей — и мужикъ мой, выскочивъ изъ ямы, пустился бѣжать.... Грозная рать гналась за нимъ по пятамъ, до самой околицы. Тутъ вдругъ вся мар÷ исчезла, какъ въ землю провалилась; ночь, по прежнему, была тиха и звѣздиста, и пѣтухи, безъ которыхъ дѣло это никогда не обходится, подхватывали и выносили кукареку, вслѣдъ за своимъ запѣваломъ.... И на этомъ–то поискѣ бѣдный сирота пропалъ безъ вѣсти, а яма, вырытая

мужикомъ, оказалась заваленною. Полагаютъ, что она обратилась въ могилу для сироты, и мѣсто это получило названіе сиротской могилки.

Въ окрестности Кіева простолюдины также много занимаются кладами, частію городскіе, частію подгородные. Жилъ, а можетъ быть и теперь живетъ тамъ мѣщанинъ, изъ бывшихъ казаковъ, Лупопупенко: онъ, въ числѣ многихъ другихъ, повидимому, посвятилъ всю жизнь и малое достояніе свое кладоисканію и упорно продолжаетъ дѣло, несмотря на всѣ неудачи, растрачивая все, что пріобрѣталъ другими способами. У него хранились въ тайникахъ, между прочимъ, до десяти желѣзныхъ щуповъ или буровъ, разныхъ размѣровъ, и множество землекопныхъ снарядовъ. Онъ отправлялся втеченіе лѣта съ товарищами на розыски и рылся цѣлыя ночи на пролетъ, тщательно размѣривая, по записямъ и преданіямъ, разстоянія по разнымъ примѣтамъ и запуская въ землю свои щупы.

Зима приходила къ концу, и Лупопупенко сталъ опять сильно думать о предстоящихъ поискахъ, которыхъ онъ жаждалъ, какъ рыба воды. Надумавшись и взявъ тайкомъ отъ хозяйки кошель съ цѣлковыми, которые заработаны были втеченіе зимы мелочною и въ особенности табачною торговлей, онъ напередъ всего отправился съ Подола въ Печорскую часть города, гдѣ жилъ давнишній знакомецъ его, державшій росписи кладамъ. По словамъ этого человѣка, драгоцѣнныя росписи составлены были мало по малу многими лицами, частію уже очень давно, и пополнены достовѣрными свѣдѣніями изъ предсмертныхъ показаній и покаяній бродягъ и разбойниковъ и другихъ лицъ, знавшихъ эти тайны.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Лупопупенко сказалъ:

— Ну, отецъ, я пришелъ за нашимъ дѣломъ: вотъ деньги тебѣ, сполна — ужь молчи, пожалуйста, чтобы меня еще жена не побила — да отдай мнѣ записи, какъ обѣщалъ, всѣ пятьнадцать, да, смотри же,

покуда я не обыщу всѣ мѣста, не давай же другой росписи никому; а то ты, пожалуй, спишешь да и другому кому продашь, а мы съ нимъ тамъ и сойдемся, въ чистомъ полѣ, да другъ друга испугаемся....

— Небось, отвѣчалъ тотъ: — я не такой человѣкъ: вотъ, гляди, какъ была старенькая бумажка, вотъ, и приписка въ разные, давнишніе годы, разными чернилами, такъ она и есть: видишь? Только вотъ что, Захаръ Прокофьичъ: вѣдь я, по уговору, на два года продаю тебѣ роспись; а черезъ два года, то есть вотъ какъ нынѣ, въ прощеный день сырной седмицы, хоть ты нашелъ не нашелъ что, а роспись мнѣ принеси опять: она завѣтная; а уже за то, чтѝ нашелъ, все твое, мнѣ только по людски да по Божьи, какъ, то есть, законъ повелѣваетъ, одну третью часть отдать, и ужь я на совѣсть твою пошлюсь. Богъ накажетъ, коли обманешь. Прочее все твое; только заручись, что черезъ два года роспись принесешь опять.

Согласились, сосчитали и убрали деньги, выпили по маленькой и принялись оба

вмѣстѣ разбирать сводъ записей. Вотъ онъ, отъ слова до слова:

1) Закопаны суть деньги на Крещатикѣ, тамъ, гдѣ прежде былъ поповъ дворъ, подъ колодою и подъ глодовымъ кустомъ, въ казанѣ (т. е. котлѣ).

2) Тоже закопаны деньги и большое количество серебряной посуды, до 200 пудовъ, и серебряныхъ ключей, въ рощѣ подъ Кіевомъ, на краю возлѣ Васильковской дороги, между двумя валками, на которыхъ сто√тъ по березѣ.

3) На лыбедской дорогѣ, въ Кіевѣ, которая начинается отъ рощи въ три аршина, закопанъ казанъ и глекъ (горшокъ) червонцевъ.

4) Въ срединѣ рощи, подъ Кіевомъ, въ яру возлѣ сосны, на три аршина отъ оной, закопанъ большой горшокъ карбованцевъ (цѣлковыхъ), также и малый горшокъ.

5) Въ селѣ Гусачовкѣ, подъ корчмой, съ лѣвой стороны въ углу, закопано 4,100 рублей. Кладъ сей положенъ на 12 индюшечьихъ головъ.

6) На Климовской горѣ, въ Кіевѣ, есть погребъ отъ ирья горы, въ яру по лѣвый бокъ отъ церкви Воздвиженья. Въ томъ погребѣ 14 бочекъ серебра.

7) Въ селѣ Гвоздовкѣ, подъ корчмою въ углу, закопаны съ лѣвой стороны 400 червонцевъ и шпага, облитая золотомъ. Со словцомъ.

8) Въ селѣ Германовкѣ, у шляхтича Коряскаго въ огородѣ, въ углу, закопанъ большой казанъ денегъ. Мѣсто свѣтится тому, кто три дня тощаетъ.

9) Въ лѣвой брамѣ (воротахъ) въ Кіевѣ, на смежномъ валу съ лѣвой стороны, закопано великое множество серебряной посуды.

10) Въ Кіевѣ, на Кириловскомъ полѣ, есть могила: въ той могилѣ казанъ и четыре сундука съ серебряной посудой и деньгами.

11) Въ Кіевѣ на рогѣ дѣтынкѣ, отъ ирґя, закопанъ боченокъ съ червонцами.

12) Въ Кіевѣ на Крещатикѣ — глекъ съ червонцами, подъ черемухой.

13) Подъ рощею, между двумя дорогами, подъ кривою березою, на западъ

солнца третья ступеня (шагъ) – казанъ червонцевъ.

14) Противъ пригорка къ Вышгороду, на долинѣ, три сосны по бѣлому озеру, а на тѣхъ соснахъ примѣты: на одной три, на другой двѣ, а на третьей одна посѣка, или знакъ. Между ними закопана воловья кожа денегъ.

15) За Днѣпромъ, возлѣ краснаго трактира, казакъ, возвращаясь въ 1812 г. съ французской войны, заболѣлъ; а близъ того трактира есть сосна, а на той соснѣ казакъ вырѣзалъ саблю и пику и подъ тою же сосной выкопалъ саблей неглубокую яму и положилъ тамъ въ саквѣ походной большое количество денегъ, червонцами. Не доѣхавъ до дому, онъ померъ, сознавшись священнику....

Перечитавъ заманчивую роспись эту нѣсколько разъ и распросивъ хозяина своего, въ которомъ изъ этихъ мѣстъ было уже искано и каковы были послѣдствія, Лупопупенко раскланялся, выпивъ на дорогу еще маленькую, и рѣшился вскорѣ, по разнымъ примѣтамъ, начать поискъ свой

съ № 13. Съ трудомъ только достало у него терпѣнья выждать, покуда земля немножко прочахла изъ–подъ снѣга; безпокойство мучило его, а нужда погоняла: въ домѣ давно уже почти нечего было ѣсть, и жена, зная, что деньги были, и не получая въ нихъ никакого отчета, грызла казаку голову день и ночь.

Мѣсто осмотрѣно было съ большою осторожностію днемъ, нѣсколько разъ; двѣ дороги подъ рощей найдены, а также двѣ или три кривыя березы. Лупопупенко мучило сомнѣнье, подъ которою изъ этихъ березъ лежитъ кладъ; наконецъ онъ, однако же, сообразилъ, что это должно быть подъ самою толстою, старою березою, и началъ готовиться въ путь. Обманувъ жену, какъ и чѣмъ могъ, онъ собралъ въ полночь снаряды свои: щупъ, заступъ и ломъ, и отправился подъ кривую березу. Какъ онъ тамъ отмѣривалъ шаги на закатъ солнца, щупалъ, гдѣ земля порыхлѣе, и наконецъ принялся за работу — этого мы въ подробности не знаемъ, но онъ воротился домой ночью же, растерявъ дорогою ломъ и

заступъ, и въ такомъ страшномъ видѣ, что жена, прежде еще чѣмъ успѣла вздуть огня, а какъ только отворила ему дверь и услышала дыханіе его, перепугалась на смерть. Сперва думала она, что Лупопупенко воротился пьяный, но сама божилась послѣ, что вскорѣ убѣдилась въ ошибкѣ своей и поносила его понапрасну, и пьянъ онъ не былъ, а насилу опомнился и оклемался. Онъ увѣрялъ послѣ, что глухое завыванье по рощѣ вскорѣ начало раздаваться и усиливалось постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ дорывался клада; наконецъ по лѣсу пошли огни и такіе страшные голоса, что онъ поневолѣ оглянулся въ сторону, но тогда увидѣлъ онъ вокругъ себя такія страсти, что ни подумать объ этомъ, ни пересказать не можетъ. Онъ не вытерпѣлъ, бросилъ все и побѣжалъ; черти гнались за нимъ, улюлюкая, какъ по волку, травили его огненными псами, и какъ ушелъ онъ и какъ попалъ домой, и самъ не помнитъ....

Но охота искать кладовъ все еще не покидала Лупопупенко, и, потуживъ съ

недѣлю и отдохнувъ, онъ опять пошелъ посовѣтоваться съ тѣмъ же пріятелемъ своимъ на Печоры, а этотъ, для утѣшенія вѣрителя своего въ бѣдѣ и неудачѣ, далъ ему на придачу еще одну запись, которая указывала самый вѣрный и несомнѣнный кладъ. Во время кіевскаго большаго мора, въ 1778 году, говорилось въ записи этой, какая–то большая барыня, со всей семьей, домодчадцами и пожитками, выѣхала изъ города и остановилась на извѣстномъ мѣстѣ въ лѣсу, обозначенномъ двумя толстыми дубами. Но, захвативъ съ собою чумы, всѣ они въ лѣсу перемерли, а деньги и драгоцѣнности напередъ зашили въ воловьи шкуры и зарыли въ землю, вмѣстѣ съ убитыми для этого волами. Въ записи было также сказано, что щупъ на этомъ мѣстѣ, на глубинѣ двухъ аршинъ, останавливается на воловьихъ костяхъ.

Итакъ, рѣшено: Лупопупенко идетъ за этимъ кладомъ; но страхъ отъ первой попытки отнялъ у него нѣсколько храбрости, и потому онъ рѣшился

пригласить съ собою двухъ надежныхъ товарищей.

Пошли; отъискали два дуба, размѣряли между ними разстояніе шагами и хотя не могли ничего нащупать прутомъ или буромъ, но уже рѣшались было безъ этого приступить къ работѣ, какъ Лупопупенко, отойдя немного въ сторону, среди темной и бурной ночи, вдругъ закричалъ дикимъ и страшнымъ голосомъ.... товарищей его будто громомъ оглушило и метнуло въ сторону; безъ памяти бросились они бѣжать, и долго еще вслѣдъ за ними раздавался пронзительный, отчаянный крикъ несчастнаго Лупопупенка, котораго, безъ сомнѣнія, черти терзали по клочку, по волоску....

Прибѣжавъ безъ памяти домой, товарищи, однако же, постепенно опомнились и стали догадываться, что сдѣлали дурно; они созвали еще нѣсколькихъ молодцовъ и пошли гурьбой выручать у чорта казака... Какъ только подошли они къ нечистому мѣсту и подали робкій голосъ, какъ въ ту же минуту

бѣдный Лупопупенко сталъ отзываться настоящимъ волкомъ; они подошли нѣсколько ближе и стали съ нимъ перекликаться и переговариваться: онъ звалъ ихъ на помощь, увѣряя, что онъ гибнетъ совсѣмъ, что скоро духъ испуститъ, если его не выручатъ; а они, не желая связываться съ такимъ опаснымъ и непосильнымъ врагомъ, не рѣшались подойти.... Мало по малу, однако же, онъ умолилъ ихъ раздуть огня и итти къ нему всѣмъ вмѣстѣ, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ и читая вслухъ молитву ангелу–хранителю: робко приближалась толпа, и наконецъ увидѣли, что бѣдный Лупопупенко нашелъ кладъ: онъ попалъ въ волчій капканъ....

Кто бы разувѣрилъ его, если бы онъ самъ какъ нибудь вырвался и ушелъ, что его не чортъ поймалъ зубами за ногу? И самъ онъ догадался, въ чемъ дѣло, тогда только, когда товарищи подошли съ огнемъ и освѣтили казака въ капканѣ.

— Ну, капканъ, такъ капканъ, сказалъ онъ: — а чортъ–таки не далъ мнѣ спуску:

страсти были неописуемыя, невообразимыя, по діавольскому навожденію; а я стоялъ противъ нечистой силы носомъ къ носу и не могъ тронуться съ мѣста! Несите меня, братцы, домой.... Что–то хозяйка скажетъ?

В.ДАЛЬ